

Не без вранья

*П*очему Лиля, почему именно Лиля?! Грустная, женственная, капризная, гордая, пустая, непостоянная, влюбленная, умная, какая угодно, у нее роман с самой собой, есть наглое и сладкое в ее лице с накрашенными губами и темными веками... Восхищаются, ненавидят, пересчитывают ее любовников...

Потому что она «втроем»?.. Ох, какой ужас!..

Конечно, она не без греха. Но что же, остальные без греха? Никто не изменяет, не пользуется сексуальной свободой, все остальные — тихие мечтатели с застенчивой сексуальностью?..

Лиля, наверное, тот редкий удивительный случай, когда смешались два Главных Человеческих Интереса — Чужой Успех и Чужие Тайны.

Чужой Успех... За что он ее так любит?! Зависть, конечно, это зависть! За что он ее так любит, она же трагедия его жизни! Он заморожен ею, думает, что это идеальный союз, что физическая любовь с ней только прелюдия к главному, а главное — она как будто стала им, превратилась в него. А у нее просто нет морали, она полностью подвластна своим желаниям, он знает о каждом ее новом любовнике — она, может быть, садистка?! И этот шокирующий контраст между нашим представлением о нем как о сильном мужчине и ее легкомысленной любовью к шелковым чулкам, между его яростной страстью и ее пренебрежительной нежностью... И эта наша вечная попытка измерить, кто сколько дал, это «она так плохо к нему относилась и так хорошо жила за его счет»...

И все остальные — за что они ее любят?! Она внушает мужчине, что он гениальный, и разрешает ему делать то, что не разрешают дома, например, курить и ездить куда ему вздумается? Ах да, еще шелковое белье и хорошая обувь... и это все?!

Чужие Тайны... Неумышленное, почти детское вранье, намеренная ложь, интриги, запреты, намеки, умолчания, интерпретации, чувства, которые были — не были... Она словно зарыла в саду секретик, и хочется стеклышко потереть, увидеть золотишку и засохший лепесток...

ГЛАВА 1

Нехорошая девочка Лиля

Этот способ психологической защиты от стресса называется регрессия. Регрессия — переход на более ранние способы реагирования. Человек начинает делать то, что давно уже не делал, — например, плачет, как в детстве, хотя давно уже отвык плакать, утирая слезы кулаками, или перебирает свои детские дневники и тетрадки и ставит себе отметки за давно написанные сочинения...

Я держала в руках бабушкин старый кожаный ридикюль с металлической застежкой, такой был у всех бабушек, и у моей бабули тоже. Бабуля была женщиной без секретов, без тайн, и вряд ли у нее был скелет в шкафу или в ридикюле. Я не рассчитывала найти там что-то более увлекательное, чем старые облигации займа или вышитый мною платочек «Бабули с днемрожден»... но... Но!

Я нашла в бабушкином ридикюле свой собственный дневник, когда-то я прятала его за батареей. На первом листе толстой зеленой тетради в клеточку аккуратно было написано моей рукой: «Тема урока: Поэзия Маяковского». Про поэзию Маяковского ничего нет и вообще больше нет ни слова. Зато с другой стороны тетрадь исписана до половины — я тогда, на уроке, перевернула тетрадь и торопливо начала писать что-то вроде... дневника. Нет, это был не дневник, а крик души на уроке литературы. Как бы я ни старалась проявить объективность, сквозь все мои старания проступает детское, как в песочнице: «нагелько, Лилечка, а не жирненько ли тебе, Лилечка, слишком много о себе понимаешь, Лилечка». Но мне было всего тринадцать лет, и больше всего на свете я хотела быть такой, как Лиля.

Мой «крик души» обрывается со звонком на перемену. И переходит потом в рассказ о Лиле, надо сказать, довольно завистливый и обиженный.

Мы живем втроем. Я, бабуля и Лиля. Я хорошая девочка, а Лиля плохая. Иногда бабуля любовно называет Лилю «эта дрянь» или просто «эта...» и дальше какое-нибудь слово из тех, что мне нельзя говорить. Она думает, что я не понимаю, — несмотря на плохое слово, она тайком любит Лилей!

Почему плохих любят больше?! Меня бабуля снисходительно любит на втором месте — как будто я идиот, и что же делать, если он уже есть, приходится его, такого неудачного, тоже любить... Когда на бабулю находит приступ нежности ко мне, она жалостливо смотрит на меня и говорит: «Бери пример с Лили, а то так и будешь трусить по обочине жизни». Какое обидное слово — «трусить»! Кто вообще трусит — лошадь, пони? И опять эта Лиля, всегда Лиля! Бабуля воспитывала меня как хорошую девочку, а требует, чтобы я вела себя как плохая. Потому что плохие девочки счастливей?.. По-моему, это называется парадокс или просто нечестно!

Мы с Лилей во всем противоположны.

На Лилю никто никогда не повысил голос. С ней это нельзя. А на меня бабуля кричит. Значит ли это, что на меня все всегда будут кричать, потому что со мной это можно?.. Но я не хуже, не хуже! И я не собираюсь трусить по обочине!

Я невинное дитя (шутка, на самом деле я не дитя, но правда невинная). А Лиля потеряла невинность (если Лиля когда-нибудь была невинна, в чем я лично сомневаюсь, ха-ха) в пятнадцать лет. Что же, бабуля хочет, чтобы я тоже... в пятнадцать лет?! Прямо сейчас, через два года? Это же просто невозможно!!!

Вчера бабуля задала мне вопрос: «Ты нравишься мужчинам?» «Каким мужчинам?» — удивилась я. «Мужчинам из твоего класса», — уточнила бабуля.

Я фыркнула, видела бы она этих «мужчин», а бабуля строго сказала: «Неважно, какие они, важно, какая ты. Ты либо всегда женщина, либо всегда нет. Вот Лиля всегда женщина. Лиля хочет нравиться всем: мужчинам, старикам, детям». — «А мне все равно, нравлюсь ли я тем, кто мне безразличен. Я безразлична к ним, а они ко мне».

Мне, получается, должно быть стыдно — стыдно не иметь романов, поклонников, любовников, стыдно, что вокруг меня не кружится вихрь страстей... Ну, у меня еще все будет, и даже столько же поклонников будет, и даже больше! Лиля — некрасивая, а я красивая!

Лиля некрасивая. Это не завистливая гадость, а правда. У нее тяжелая фигура, коротковатые ноги, слишком крупная голова, и еще она сутулится. Наверняка мама говорила ей — не сутулься, выпрямись,

а она не слушалась. Лиля очень независимая, это прибавляет человеку личности, но иногда независимость может быть и во вред.

Но все считают Лилю необыкновенной красавицей. У нее рыжие волосы, огромные карие глаза, большой рот, такой рот называется чувственный, а улыбка такая, что каждый человек сразу же становится — ее. Ну, и какое имеет значение, какая она — самая красивая в мире или уродина?

Я вот красивая. Это не хвастовство, а факт моей жизни. Бабуля говорила (а я подслушала), что я типичная нимфетка, как девочка из книжки «Лолита». Я ее прочитала, там про одного мужчину, который любил маленькую девочку, нимфетку, такую трогательную и невинную с этой ее зарождающейся женственностью. Значит, я тоже выгляжу трогательной и невинной, как нимфетка или зайчик, но одновременно во мне зарождается женственность... Не так уж плохо.

...Ох, ну и что же, что во мне зарождается женственность?! Я пока не особенно нравлюсь мужчинам, вообще не нравлюсь, а от Лили мужчины сходят с ума.

У Лили раннее сексуальное развитие... наверное, все дело в этом. Даже в тринадцать лет Лилия была ничуть не похожа на нимфетку, никогда не была трогательной, тоненькой, невинной. Она полнозаставная, полногрудая, налитая, про нее говорили «созревшая женщина». Противно, когда так говорят, как будто Лилия — груша или слива, но чувства, которые мужчины испытывают к Лиле, абсолютно честно эротические, без примеси отеческих комплексов, как в «Лолите». Они просто-напросто хотят овладеть ею, как будто съесть спелый фрукт, — раз-раз и слопать.

У нас, конечно, многие девочки гордятся тем, что выглядят как взрослые тетки. Не понимают, что большая грудь — это еще вовсе не сексуальность, а просто большая грудь. По сравнению с Лилей они просто глупые коровы. А у Лили сексуальное обаяние, так бабуля говорит. Есть что-то необыкновенное, от чего мужчины теряют голову.

Но ведь хочется понять, что это такое — сексуальное обаяние. Лилия любит целоваться, в пятнадцать лет целовалась по-настоящему, как страстные любовники в кино. А я еще ни с кем не целовалась и не очень-то хочу. Так, может, это и есть сексуальное обаяние — что она хочет целоваться?

Бабуля ругает Лилю за то, что все ее разговоры об искусстве — одна болтовня, она ведь на самом деле не талантливая — то она хочет танцевать, то лепить, то даже снимать кино, но надо по-настоящему учиться, иначе где же результат? Еще бабуля ругает Лилю за то, что она много врет, сочиняет свою жизнь, как ей выгодно... Но, по-моему, это

как раз подтверждает, что Лиля — творческая натура, ведь ложь — очень творческий процесс, сначала нужно придумать, потом сделать, чтобы тебе поверили. Я-то, как дура, всегда говорю правду.

Бабуля говорит: «Лиля — лгунья, развратная, своевольная, злая». Говорит: «Лиля властная, сильная, не хочет выполнять правила, пренебрегает условностями, делает только то, что ей интересно, не обращая внимания на чувства других людей». Она любит Лилю и любит ее ругать — такое сложное чувство.

Ко мне она не испытывает сложных чувств, да и за что?.. Бабуля у меня человек искусства, я пока еще никого не вдохновила даже на самое крошечное произведение искусства, а Лиля, Лиля... Лиля, конечно, с детства была необыкновенная, она сразу же не собиралась трусить по обочине жизни... Но я тоже буду вдохновлять. На стихи или повести.

Но... тогда меня, как и Лилю, не все будут любить, некоторые, очень даже многие станут ко мне плохо относиться. Лилю любят мужчины, а женщины нет. Например, А. А. сказала, что у Лили «лицо несвежее, волосы крашенные и на истасканном лице наглые глаза». Это неправда. Это она от злости. А наша учительница по литературе считает, что Лиля — гадкая. Я ее не то чтобы специально спросила, а так, навела разговор незаметно. Она оглянулась испуганно, как будто я что-то неприличное спросила, и сказала: «Эта твоя Лиля гадкая». Я думала, мне будет приятно, но отчего-то было не приятно, а неприятно — так всегда бывает, когда говорят плохо или хорошо о том, к кому у тебя двойственное отношение. У меня к Лиле — двойственное. Вообще-то я думаю, учительница — дура, нельзя так однозначно судить о людях, как будто приклеивать бирку с ценой, два рубля или пять рублей.

Но зачем Лиле любовь женщин, зачем ей любовь А. А. и нашей учительницы по литературе? Это ей совершенно ни к чему, ведь ее любят такие мужчины! Я бы отдала все на свете за то, чтобы меня хотя бы одну минуточку любили такие мужчины!

Я приняла решение: сейчас пойду на перемену и прямо сейчас начну всем нравиться, буду великолепной!! Не буду подглядывать за Лилей, не буду обезьянничать, ничего подобного — я ее изучу, как исследователь под микроскопом на уроке зоологии изучает пчелу или жука. Изучу и стану такой же великолепной, как она, — непременно! Лилю зовут не Лилия, а именно Лиля...

Лилю зовут не Лилия, а именно Лиля. А некоторые называют ее Лили. Красиво, правда? Возлюбленную Гёте звали Лили. А вдруг это имя предопределило ее судьбу и именно поэтому она

тоже стала возлюбленной поэта? Имя может предопределить судьбу? У нас есть одна родственница, тетя Лиля, маленькая, тихонькая, всю жизнь проработала чертежницей и была в любовной связи со своим соседом по кульману... Но, может быть, он писал стихи и она была его тайной музой?

Считается, что у Лили Каган блестящее образование, но это так, для красоты и важности, — никакого особенного образования, а только то, что положено всем детям их круга, — ведь Лиля родилась в культурной, обеспеченной московской еврейской семье. Лилин отец — юрист.

Лиля может спокойно гордиться всем, что у нее есть в жизни. Она может ощущать, что она особенная и все у нее в жизни хорошо, без оговорок, без всяких «да, но...» Для ребенка это очень хорошо, когда он может сказать: «я — такой-то», тогда у него не начинаются комплексы. У Лили нет комплексов, она с самого начала могла сказать: «Я самая любимая, богатая, умная, красивая, я — самая главная». В общем, у Лили хороший старт.

Лиля учится в гимназии, и еще дома учится языкам и музыке. Лиля — нерадивая ученица, гимназию не любит, уроками пренебрегает!.. И никаких выдающихся успехов у нее нет. По-немецки Лиля говорит хорошо, а вот за французский ее всегда ругали. Она училась играть то на рояле, то на скрипке, то на мандолине, то вдруг попросила купить ей барабан. Зачем человеку барабан? Да потому, что на самом деле ей было лень заниматься. Каждому известно, что музыка требует прилежания, часами сидишь за инструментом... а гаммы, а этюды Черни — это вообще ужас!.. Лиля — не самая прилежная девочка на свете, так что с музыкой у нее отношения не сложились.

Зато Лиля писала потрясающие сочинения, и какое-то время родители очень гордились, что у них такая литературно одаренная дочка. Но она была не литературно одаренной, а необыкновенно ловкой девчонкой, — эти хваленые сочинения писала не она! За нее писал учитель — ха-ха-ха! Наверное, она его загипнотизировала, как удав кролика, и кролик под гипнозом писал сочинения за свою ученицу!

Вот что правда — что Лиля хорошо успевает по математике, задачи она решает сама, не хитрит. Но то, что Лиля умеет извлечь квадратный корень, не говорит ни о каких ее невероятных способностях, ни о чем, кроме того, что она не тупица, логично мыслит и... и все.

Но, подумаешь, учеба, учеба — ерунда. Важно другое. Лиля — девочка с характером. Девочка с плохим характером!.. Лиля всегда делала, что хотела, не задумываясь о чувствах окружающих. К примеру, в десять лет написала родственникам такое письмо: «Извините, что я вам так давно не писала, но если бы вы знали, как это скучно, вы сами не требовали бы так много от меня». Вежливая девочка, правда?

А однажды она сделала еще кое-что похуже — сказала маминной гостье: «С таким лицом, как у вас, лучше было бы посидеть дома». Меня бы за это убили и поставили в угол навсегда, а Лилю даже не ругали. Лиле почему-то родители все позволяли, почему?..

Думаю, умные родители всегда понимают, с кем имеют дело, кого можно воспитывать в углу, а кого нет. Лилю было нельзя, вот они и старались сохранить мир в семье, делали вид, что у них не нахальная девчонка, не «плохая девочка», а просто такой непосредственный ребенок, самый лучший, лучше других. Лилю очень любили, любовались ею, баловали. Маленькая разбойница из сказки правильно говорила: «Детей надо баловать, тогда из них вырастают настоящие разбойники». То есть независимые, смелые, уверенные в себе люди.

Вообще-то у них в семье не одна девочка, а две девочки — Лиля и Эльза. Другие родители на их месте больше любили бы Эльзу, младшую. Лиля — крупная, рыжая, кареглазая, с тяжелым взглядом. Эльза — пухлая голубоглазая блондинка в облаке кудряшек, в точности как немецкая кукла или фарфоровый ангелочек. Прелесть, тем более младшая. Но у них отчего-то Лиля — главный ребенок. Может быть, потому что Лиля всегда была нестеснительная, самоуверенная, она из тех детей, кто встанет на стул и прочтет стихотворение... Таких детей все родители обожают и гордятся ими, и это — несправедливо! Потому что другие, которые так не могут, они не хуже!

Все знают, что старший ребенок обычно бывает независимым, упрямым, а младший ребенок мягче, уступчивее, принимает нужную форму, как диванная подушка. И у них в семье именно так: Лиля была сильная, а Эльза — нежная.

Пять лет — это очень большая разница в детстве, просто огромная. Например, Лиле десять, Эльзе пять, и тогда Лиля почти как мама для маленькой Эльзы, тем более Лиля раннего развития, к десяти годам была уже почти девушка. Но нет, Лиля не

собиралась быть Эльзе мамой и вообще не собиралась никого опекать, кроме себя самой. Правильно это или нет? Для самого человека хорошо, правильно.

Знаете, как она обращалась с бедной фарфоровой малышкой Эльзой? Лиля как бы ею полностью владела. Лиля запугивала Эльзу: если Эльза немедленно не выполнит ее приказ, то Лиля превратит ее в кошку, в лампу, во что захочет. «Крэкс!» — грозно произносила Лиля и взмахивала «волшебной палочкой», и Эльза бежала выполнять приказание. Вообще-то у Лили такое лицо, что я бы тоже побежала выполнять ее приказ... Не то чтобы у нее очень строгое лицо, а просто такое... что попробуй не выполни. Не хотела бы я быть Лилиной младшей сестрой, Лиля и так властная, а еще и быть с ней младшей — вообще все пропало, слушайся, и все тут.

Это «крэкс!» у них была не случайная и сразу же забытая шутка, а повторялось много раз, пока мама не заметила, что с одним ее ребенком что-то не так, — маленькая Эльза явно чего-то боится и страдает. И все открылось. Надеюсь, что Лиле сильно попало, но не уверена, — непохоже, что ее вообще когда-нибудь наказывали.

Это, конечно, игра — «крэкс!»* детские шутки. Но ведь это вовсе не детские шутки, это жестоко!.. Считается, что дети часто бывают жестокими, просто потому, что они дети и это им вроде как свойственно. Но я сама еще так недавно была «дети», что совершенно точно знаю — ничего подобного. Это заблуждение взрослых, которые все про себя забыли. Просто кто-то бывает жестоким, а кто-то нет, и это уже навсегда.

Эльза боялась, а Лиля наслаждалась своей властью, в Лиле сразу же, с рождения, было заложено чувство собственной избранности, главности, такое уверенное «мне — можно». Это плохо.

Но ведь это только на первый взгляд плохо! Просто люди боятся говорить себе «мне — можно, я не такая, как все». Потому что — а вдруг окажешься такой, как все, вдруг не хватит воли, характера, красоты, чтобы эти свои претензии оправдать? Но ведь собственные претензии — это единственный шанс получить

---

* Эльза рассказала, как девочки-сестры играют в эту игру, в своей автобиографической повести. Это не мемуары, а художественная проза, но девочки так похожи на Лилию и Эльзу и младшая так страдает, что, очевидно, это правда — такое про себя не придумаешь.

то, о чем мечтаешь. А если нет претензий, так и будешь трусить по обочине жизни.

Как-то раз Лилина мама, Елена Юльевна, повезла Лилю и Эльзу в Европу на каникулы. Она собиралась получить удовольствие от путешествия, чинно осматривать достопримечательности с детьми, пить воды, в общем, все должно было происходить мило и благородно, как только и может быть у такой милой и благородной дамы с детьми. Но оказалось, что она — не с детьми. Оказалось, что рядом с ней не ребенок, а какой-то горшок с медом, приманивающий пчел! Они ехали по Европе, а за ними вился клубок страстей.

Интересно, сказала ли Лилина мама Лилиному папе, когда они вернулись домой: «Должна признаться, меня беспокоит Лилия... Стоило мне заснуть, как Лилия тихонько открыла дверь, выскользнула из купе, прокралась мимо меня и полночи кокетничала с офицерами в коридоре! Что же, мне нужно было ее к себе привязывать?»

Вправе была Елена Юльевна рассчитывать на то, что ее пятнадцатилетняя дочь, девочка из хорошей семьи, не улизнет от нее ночью? Как вообще ведет себя пятнадцатилетняя девочка, хорошая девочка? Да она от мамы не отходит!

В Тифлисе был татарин — он умолял Лилю за деньги стать его любовницей. В Бельгии был студент — сделал ей предложение и грозился умереть, если Лилия его не примет. В Дрездене был владелец санатория, где они жили, он был взрослый, женатый, но тоже хотел на Лиле жениться. Нет, у каждой симпатичной девочки бывает такое лето, когда из-за внимания нескольких соседских мальчишек она кажется себе центром вселенной, — но Лилю все хотели, и это были какие-то сумасшедшие страсти! Один предлагал деньги, другой драгоценности, кто-то не хотел жить без нее, кто-то, наоборот, хотел умереть вместе с ней — просто какое-то безумие, как будто Лилия испускала какие-то специальные флюиды!.. Завидно, если честно... И ведь Лилия не какая-то особенная красавица...

Вот как Эльза описывает Лилю: «...Большой рот с идеальными зубами и блестящая кожа, словно светящаяся изнутри... Изысканная грудь, округлые бедра, длинные ноги и очень маленькие кисти и стопы. Ей нечего было скрывать, она могла бы ходить голый, каждая частичка ее тела была достойна восхищения. Впрочем, ходить совсем голый она любила, она была лишена

стеснения... Мы с мамой любили смотреть, как она одевается, надевает нижнее белье, пристегивает шелковые чулки, обувает серебряные туфельки... Я немела от восторга, глядя на нее».

Но это нечестно! Эльза Лилию обожает, это необъективное описание! У Лили непропорционально большая голова! Это даже хуже, чем кривые ноги, это даже не недостаток, а уродство!.. Кривые ноги можно спрятать под джинсы, а куда можно спрятать большую голову?.. Нет, правда, как можно не заметить слишком большую голову?! Но ведь никто не замечает... Все, не только Эльза, абсолютно все говорят — Лиля красавица, прелесть.

Что же в ней такое? Улыбка? Может быть, у нее улыбка, которая сразу же — раз и втянула человека? А может быть, у нее такая убежденность в том, что она прелесть, что никто уже просто не может думать иначе?

...Хорошо бы развить в себе убежденность, что я прелесть. И уверенность в себе. А если уверенность в себе будут называть наглостью, то какая разница?..

Елена Юльевна с Лилей и Эльзой добрались до Польши и остановились в гостях у бабушки. Бедная Елена Юльевна, ей казалось, что она везет бесценный рискованный груз, который все хотят отобрать, и вот наконец-то — уф-ф — довезла, наконец-то Лиля дома, под присмотром родных. Здесь Елене Юльевне не грозит злая стая Лилиных поклонников. Но Лиле не нужно было даже выходить из дому, чтобы разжечь костер вокруг себя. Лилина мама не знала с Лилей ни минуты покоя!.. Произошло невероятное — в Лилию влюбился ее родной дядя. Этот Лилин дядюшка не просто тихо симпатизировал малолетней племяннице, а совершенно потерял голову! Умолял племянницу выйти за него замуж. Уговаривал, требовал, обещал сам все уладить с родными... Это была не семья извращенцев, а хорошая, дружная, строгая еврейская семья, браки между родственниками разрешены по закону, и теоретически он мог жениться на родной племяннице, но в их образованной среде это все-таки ужасно неприлично!.. Что же, этот дядюшка с ума сошел?! Совершенно обезумел от страсти? Был скандал, дядюшку ругали, стыдили. А Лилию нет.

Но дело все-таки было не только в дядюшке! Ведь Лиля не вела себя с ним как девочка, как племянница! Она вела себя со своим дядей как женщина, давала понять, что любовные отношения возможны! Вместо того, чтобы слушать бабушкины сказки!

Интересно, сказала ли Лилина мама Лилиному папе, когда они вернулись домой: «Лилия вела себя очень плохо»?.. Или: «Лилия абсолютно неуправляема. К сожалению, она слишком интересуется мужчинами»? Или: «О, ужас, она строила глазки родному дяде!»

Дома, в Москве, Лилия кружится в романах, как волчок. Почти у всех девочек ее возраста вообще нет ни одного поклонника, у некоторых всего один, а у Лили — много... Но ведь это не потому, что она нравится многим. Просто все девочки считают, если есть один поклонник, то больше уже никто не нужен. Поэтому у них больше никто и не появляется. А Лилия считает, что ей положено двое — по меньшей мере. Хочет держать при себе всех, ни в коем случае не упустить никого. Сидит, к примеру, в театре или на концерте между своими мальчиками, и каждый из них держит ее за руку — у нее же две руки, так почему бы нет? Может и пошалить, в темноте свести мальчишеские руки на своих коленях, чтобы каждый думал, что держит за руку Лилию, а на самом деле глупые мальчишки, дрожа от счастья, держат за руки друг друга. Лилия с самого начала, с первых своих романов не считала, что любовь — это когда двое, она и он. Для нее любовь как будто беготня между комнатами, где заперты поклонники, и каждый думает, что он единственный, потому что никогда не встречается с другими.

Ну, и потеря невинности. К невинности можно относиться по-разному. Некоторые девочки хотят, чтобы это было только с тем, кто этого достоин, с кем неземная любовь... считают, что невинность — самое дорогое, что у них есть. Это звучит, как будто эти девочки расчетливые и глупые: значит, у них больше ничего нет, если эта никчемная невинность так сильно им дорога! А другие девочки считают, что потеря невинности — просто неприятный технический момент, который нужно пережить, чтобы начать делать, что хочешь. Это звучит, как будто они распушенные. Поэтому лучше всего, как у Лили. Она не думала, не рассчитывала! Просто — раз и все.

Лилия занималась музыкой с красивым молодым учителем, и у них даже не было никакого романа, они только занимались музыкой, и в комнате вместе с ними всегда была сестра учителя.

Когда сестра учителя вышла на кухню мыть посуду, Лилия и учитель музыки, как пишут в старых книгах, «бросились друг к другу в порыве безумной страсти, и все произошло». Может быть, у них все-таки был долгий роман с внезапными прикос-